

# МОДНО—НЕ ЗНАЧИТ СОВРЕМЕННО

В любом доме от Москвы до Курида можно, повернув рычажок радиоприемника, послушать произведения Баха и Глинки, Бетховена и Чайковского, Россини и Римского-Корсакова. В Магадане или Кушке звучат величайшие творения музыкальной классики и советских композиторов в исполнении Рихтера и Когана, Ойстраха и Ростроповича. «Концертный зал» Всесоюзного радио вмещает десятки миллионов людей, его репертуар необозрим.

В этом потоке звуков мы становимся свидетелями опасных рифов, водоворотов и порогов. Дело в том, что доступность музыки создает ложное представление об умении слушать. Судите сами. Читать умеют все. Книжный фонд наших библиотек — самый большой в мире. С увлечением читают у нас не только классику, научно-популярную литературу, современные произведения, но и мемуары и записки непрофессиональных авторов — «бывалых» людей. Многие читают и перечитывают книги французского пилота Антуана де Сент-Экзюпери, записки видного советского хирурга, профессора Амосова. Никого не удивляет, что испытатель Галлай написал интересную книгу, космонавт Леонов сделал серию отличных рисунков, а летчик Ильюшин спел самодельную песенку в концерте, который транслировался по радио в День авиации. Я мог бы вспомнить немало интересного из того, что написали артисты, рабочие, инженеры, партизаны, полководцы, историки. О прочитанном спорят, обсуждают на читательских конференциях. Все это закономерно. Но самые бурные споры возникают почему-то вокруг песен, созданных инженерами, артистами, геологами, педагогами, поэтами.

Сегодня мы видим, как поток самодельных песен захватывает довольно широкие слои молодежи. В одних отражается живая современность с ее запросами, вкусами и характером. В других весьма опутимы черты пошлости, развратности, чрезмерной чувствительности. Образно выражаясь, один и тот же дождь несет урожай на поля и грязь на дороги. Разобраться в этом сложном и противоречивом потоке чрезвычайно трудно, но необходимо.

В чем успех некоторых самодельных песен? Прежде всего в ярких поэтических образах. Текст, который, как правило, лучше музыки, часто злободневен. Авторы песен, так называемые барды или менестрели, хорошо знают психологию слушателей. Они знают наверняка: здесь и неразделенная любовь, и одиночество, и личная неустроенность, и благородная романтика. Но, к сожалению, словарный запас многих песен ограничен лексиконом людоедки Элочки. Желанной гостьей в них стала пошлость и блатные словечки. А наряду с определенными мелодическими находками — мотивчики, напоминающие не то «Мурку», не то шумевшую в свое время песенку «На Дерибасовской открылась пивная».

Вот тут бы и прийти на помощь хорошему музыкальному наставнику... Раньше таким «наставником» была народная и отчасти массовая песня. Профессионально написанная или аранжированная, она закладывала основы музыкального воспитания. Эти традиции, прочно закрепившиеся в Прибалтике, на Украине и на Кавказе, у нас утеряны. А зря! Много сделали для пропаганды музыкальных знаний университеты культуры и музыкальные клубы, но они поучают преимущественно проповедают, а, как известно, примеры действуют несравненно убедительнее.

Я часто задаю себе вопрос. Если новые времена несут новые песни и новые средства выражения, неслыханные темпы жизни, великие научные открытия и технические новшества рожают новые тембры и ритмы, разве должен отмереть национальный характер музыки, ее традиции, ее культура и колорит, нравственная чистота и социальное содержание?

Говорят, что новое — хорошо забытое старое, но почему наша молодежь, имеющая солидный культурный багаж, вспоминает «Мурку» чаще, чем народные песни и советские песни 40—50-х годов? Мне рассказывали, как заучив одной из начальных школ, узнав, что ребята из-за уроков в музыкальном училище не явились на сбор бумажной макулатуры, произнес патетическую речь о том, что мы, дескать, обязаны воспитывать в детях чувство долга, а без музыки они как-нибудь проживут. Некоторые «интеллектуалы» не менее категорически утверждают, что если занять свободное время не искусством, а наукой, то он формируешь сам, под влиянием случайных факторов, и, если считать, что музыка призвана только развлекать, ее применение действительно ограничится ганцевальной площадкой, домашней вечеринкой, перекурком.

Самодельность во всех ее формах, и в том числе музыкальной, получила в нашей

стране широкое распространение. Не нужно, вероятно, доказывать, что она чрезвычайно важна в системе эстетического воспитания народа. И, право же, не было бы ничего страшного в том, что кто-то сочиняет незамысловатые вирши и не то поет, не то декламирует их, если бы многие наши ребята не считали это рифмоплетство эталоном поэтического новаторства, хриплый простуженный голос — вершиной вокального искусства, а монотонное треньканье на двух гитарных струнах — образцом современного музыкального стиля.

Беда в том, что некоторые стороны творчества наших «менестрелей» и «бардов», получив непомерно большое распространение, разрушают и дезорганизуют систему подлинно эстетического воспитания, портят музыкальные вкусы. В лексиконе людоедки Элочки было тридцать два слова. У многих авторов песенных текстов — не больше, а в музыкальном арсенале еще меньше — поется все на одной ноте. Но людоедка Элочка имела по крайней мере то преимущество, что она не требовала трибуны. Говорят, поэтом и композитором может быть всякий, кто не докажет противного. Я имею в виду, разумеется, не только лохматых идиотов электрогитары, но и наших симпатичных парней, которые по наивности принимают грубую подделку за подлинные саомшеты.

Должен еще раз подчеркнуть: я не против гитары, не против самодельности, не против менестрелей и бардов. Но я решительно против того, чтобы нашей молодежи навязывали косноязычность, блатной лексикон, хриплый шепоток, музыкальный примитив.

Я бывал на многих певческих праздниках и фестивалях молодежи. Участвовал в жюри международных конкурсов. Слышал хороших эстрадных певцов и дружу со многими из них долгие годы. Я сам написал много песен, а, право же, меня трудно упрекнуть в предвзятости, но скажите можно ли утверждать, что отсутствие голоса, слуха, музыкальных способностей и поэтической одаренности является приметами современного искусства? Вот передо мной записи нескольких песен. До чего же они унылы и скучны. До чего примитивны и бесприметны эти рифмы, за которые, говорят, Каин убил Авеля: облака — Абакан, или еще лучше: дубы — жлобы — гробы.

Литература — это не моя сфера, но я никак не могу понять, почему молчат наши поэты? Я никак не пойму, почему столь равнодушно взирает Союз композиторов на варварское обращение с музыкой, не пойму, почему мирится с этим наша театральная и кинообщественность? Ведь если какой-нибудь бард упражняется на молодежной вечеринке после того, как уже спеты все песни, — это еще полбеды, а вот когда столичный молодой актер, удачно сыгравший роль в кино или театре, ездит по городам и весям со своим замороженным репертуаром, распевая сомнительные песенки об антиказках и блатной дружбе, — это стихийное бедствие. Ему подражают, принимая за последний крик моды, и сила дедонации становится разрушительной.

Доколе же можно петь о грязи и вешах, о гуманах и буранах, о гробах и поминках и не видеть жизни, солнца, радости? Как-то после войны в пригородной электричке я услышал такую песню:

И вот я брожу по поездам  
Один, без жены и без зренья.  
Так дайте же, дайте же  
скорей на сто грамм.

Войдите в мое положение...  
И, представьте, давали. Потом оказалось, что на железных дорогах действовало хорошо организованное акционерное общество попрошайек с основным капиталом в несколько десятков тысяч рублей, со своим правлением, ревизионной комиссией и третейским судом.

От того, что некоторые барды не бродят по поездам, а ездят в мягких вагонах и действуют в одиночку, не преследуются милицией и бережно охраняются Министерством культуры, мне кажется, ничего не меняется.

После опубликования в «Советской России» статьи «О чем поет Высоцкий» читатели прислали в газету много откликов. Получаю письма и я. Они дают возможность установить диаметрально противоположные мнения о творчестве бардов и менестрелей. Особенно тронуло меня письмо матери. Она пишет, что сын ее — молодой парень — забросил учебу, не ходит в театр, не читает книг и газет, а вместе с десятком таких же парней целыми днями «крутит» пленку с записями Высоцкого. Молодая девушка, которой одно время очень нравились некоторые песни Высоцкого, разочаровалась в нем и жаловалась, что молодые подвыпившие оболтусы у дверей местного кинотеатра гоняют под гитару его песенки и в наступлении рвут уже не паруса, а гитарные струны. Таких писем много.

Что же касается поклонников Высоцкого, то мне показалось, что, судя по всему, они плохо представляют себе, о чем идет речь. Я симпатизирую Вы-

соцкому как актеру, но ведь, как говорится, симпатии к человеку не в состоянии отменить «приговор истории над его делом». Я возражал и возражаю самым решительным образом против массовой пропаганды самоделок. Не только потому, что такие музыкальные коктейли сбивают из непрерывных отрывков подслушанных мелодий и их исполнителей работают под черномозгом Ивы Монтана, а по другим, более серьезным причинам. За рубежом сейчас много пишут и говорят о «массовой культуре», о том, что народу чужда и недоступна подлинная культура Рафаэля и Бетховена, Шекспира и Петрарки, что народу нужны битлы, комиксы, ладжесты, вестерны, то есть весь тот суррогат искусства, который легко усваивается, легко оаурманивает и легко обольщает. Варварские попытки пересказать «Гамлет» на пяти страничках карманного формата или «Одиссею» — на трех, давать рисунки с короткими, как пулеметная очередь, диалогами вместо романа, повести или рассказа, джазовые вопли вместо музыки, хриплый шепоток вместо песни, грубый рисунок вместо живописи — все это проявления знаменитой и злобешней «массовой культуры». Но даже то, что прикрыто тогой благопристойности и солидности, поражает ничинным классовым делением на первый и второй сорт, на искусство для избранных и эрзап-искусство для масс. Цели такого деления нетрудно понять. И я с беспокойством наблюдаю, как, сами того не ведая, некоторые авторы и исполнители самодельных песен сползают на рельсы сомнительной доходливости, дешевой популярности и беспринципного эпитонства.

Вот содержание одной песенки, смысл которой я передаю по памяти... Когда устанут чайки, они садятся на камни и становятся похожими на домашних утят... Когда устанут пароходы, они бросают якоря... Когда устанут люди, они трудно засыпают и встают для того, чтобы снова идти уставать. Романтично? Красиво? Хлестко? А смысл? Труд здесь принижен, его созидательное начало выхолащено, человек представлен бездумным роботом, и вся его жизнь — процесс оахования и восстановления физической силы. Что здесь общего с нашей жизнью, нашей моралью, нормами нашего строя?

Можно привести и еще ряд песен, где трудовому человеку противопоставляются «романтики» из штрафных батальонов, уголовники, авантюристы, искатели приключений. Иногда это находит яркую интерпретацию и, как ни парадоксально, чем талантливее такая песня, тем больший заряд вредности несет она в себе. Образ разбитного парня, циничного и грубого, проповедующего понятия зоологической морали в грубой физической силе, воспевание собственного неустроенности и неприятие наших жизненных норм, стал кочевать из песни в песню. И вот вчерашний школьник, которого несколько лет воспитывали на лучших образцах литературы и искусства, получает массивный заряд пошлости, слобренной солдапой порцией ложной романтики.

Я предвижу возражения бардопоклонников, некоторые их песни правятся слушателям, и я я вовсе не хочу вместе с водой выплеснуть и младенца. Я выступаю не против кого-либо лично. Я выступаю против гастролей на поприще поэзии, музыки и вокала, против пропаганды того, что отрицается всем строем нашей жизни.

**В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОН,**  
народный артист СССР,  
лауреат Ленинской  
премии.